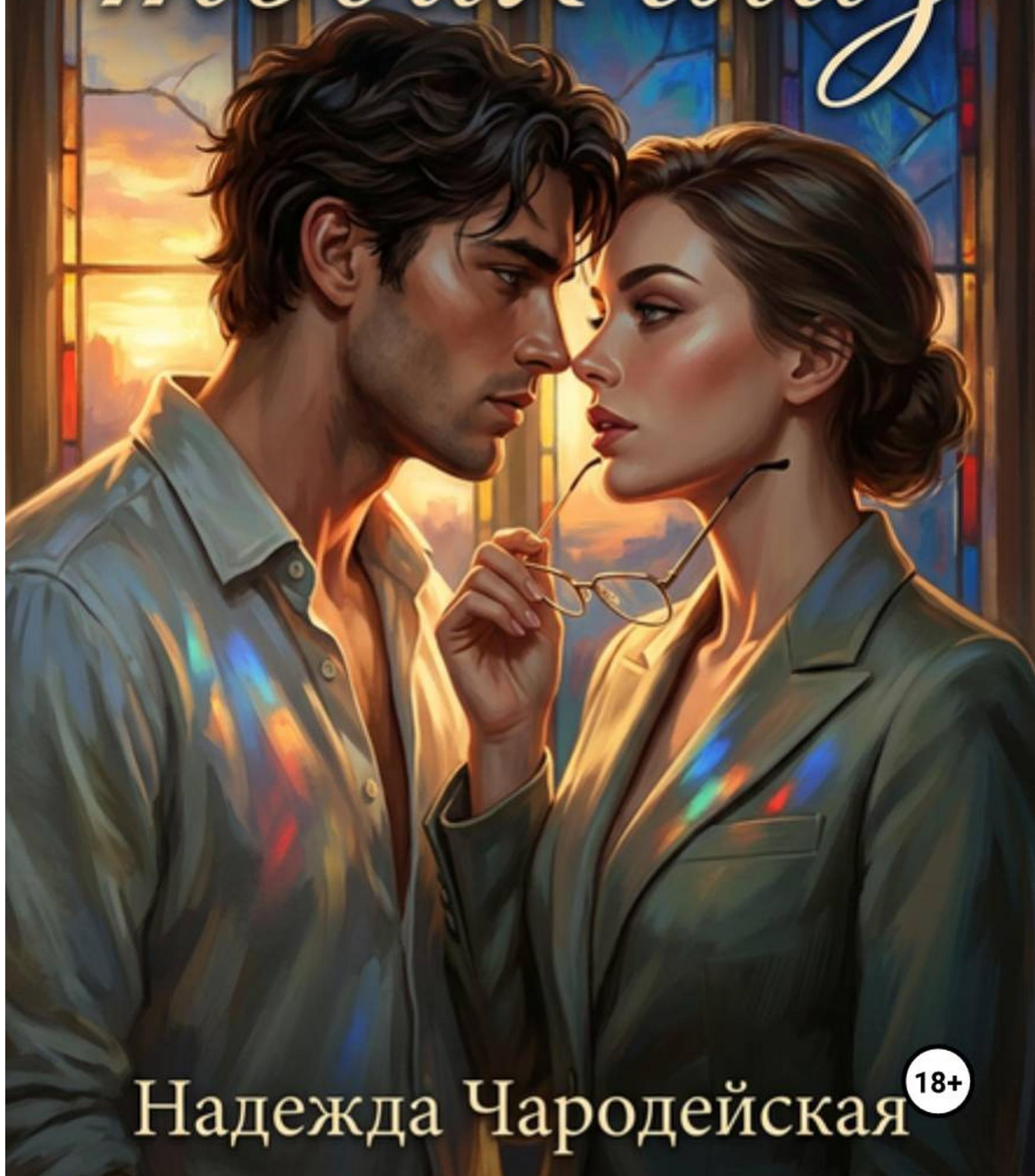

ОПТИКА *твоих глаз*

Надежда Чародейская

18+

Надежда Чародейская

Оптика твоих глаз

«Автор»

2026

Чародейская Н.

Оптика твоих глаз / Н. Чародейская — «Автор», 2026

Алиса Ветрова — хирург-офтальмолог, привыкшая к стерильной точности операционных. Даниил Шторм — архитектор-реставратор, влюблённый в старые особняки и свет. Когда клиника выкупает исторический особняк купца Жарова, Алиса становится куратором проекта, а Даниил — её главным противником. Он видит в стенах душу, она — квадратные метры. Искры летят с первой встречи. Но когда они оказываются запертыми в тёмном подвале особняка, война начинает превращаться в нечто иное. Смогут ли два человека, привыкшие прятаться за работой, снять свои защитные очки и увидеть друг друга по-настоящему? История о свете, который возвращают — скальпелем и камнем.

© Чародейская Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Луч света	5
Глава 2. Эскиз на руинах	9
Глава 3. Особняк купца Жарова	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Надежда Чародейская

Оптика твоих глаз

Глава 1. Луч света

Свет в операционной никогда не был просто светом.

Алиса знала это лучше кого бы то ни было. За восемь лет в микрохирургии глаза она научилась различать десятки оттенков белого: холодный свет галогеновых ламп, который безжалостно вырезает каждую тень; тёплый поток налобного осветителя, прирученный и направленный; мертвенный пульс мониторов, отражающийся в стальных поверхностях инструментов.

И, конечно, свет внутри самого глаза. Тот, что она возвращала людям.

— Давление стабильное, — голос ассистентки, Марины, звучал ровно, почти механически. — Частота сердечных сокращений восемьдесят два.

Алиса не ответила. Она вообще редко разговаривала во время операции. Слова расходовали кислород, отвлекали, разбивали ту совершенную тишину, в которой существовало только её дыхание и кончики пальцев, сжимающие рукоятку фактоэмульсификатора.

Пациент — мальчик девяти лет. Врождённая катаракта. Обоих глаз.

Первый глаз она прооперировала три недели назад. Сегодня был второй.

— Хрусталик выхожу на эмульсификацию, — произнесла она тихо.

Ультразвуковая игла вошла в переднюю камеру глаза с точностью, которая достигается только тысячами повторений и особым устройством психики. Алиса следила за происходящим через операционный микроскоп, и на сетчатке её собственных глаз разворачивался чужой, затуманенный болезнью мир, который она сейчас, прямо сейчас, переписывала начисто.

Линза. Поток. Игла.

Мутный хрусталик дробился и исчезал. На его место она имплантирует новый — прозрачный, гибкий, искусственный. Маленький кусочек совершенства.

— Свет, — скомандовала она, не оборачиваясь.

Марина поняла без пояснений. Яркость микроскопа чуть упала, и Алиса на секунду позволила себе моргнуть.

Прямо под её руками, на глубине в несколько миллиметров, заканчивалась одна жизнь и начиналась другая.

Она любила этот момент. Не признавалась никому, даже себе — но любила. Момент, когда всё уже сделано, но пациент ещё не знает. Когда можно на секунду замереть и почувствовать себя... кем? Волшебником? Богом? Скорее, просто человеком, который оказался на своём месте. Что, впрочем, было чудом ничуть не меньшим.

— Имплантация завершена. Швы не требуются. Марина, тайминг?

— Сорок три минуты. Чистое время — тридцать восемь.

Алиса кивнула, пряча удовлетворение.

Она сняла перчатки, когда медсестра уже накладывала мальчику повязку. Наркоз был ещё глубок, и пациент спал, но теперь его сон отличался от того, каким он был час назад. Теперь, когда он проснётся, мир перестанет быть размытым пятном.

Алиса вышла из операционной.

В предбаннике она первым делом подошла к раковине и долго мыла руки — по привычке, введшейся в подкорку, хотя перчатки и так защищали кожу. Потом позволила себе опереться ладонями о холодный край стола и на десять секунд закрыть глаза.

— Алиса Игоревна.

Голос за спиной заставил её выпрямиться.

В дверях стояла Вера, старшая медсестра послеоперационного отделения.

— Родители Костика спрашивают, можно ли к нему. Он ещё спит, но...

— Пусть идут. Через пятнадцать минут начнёт просыпаться. Я хочу, чтобы мать была рядом первым, кого он увидит.

— Поняла.

Алиса оттолкнулась от стола и направилась в ординаторскую. По пути сняла очки — тонкая золотая оправка, без которой она почти не появлялась на людях, — и протёрла стёкла. Мир без них расплывался, но её это не пугало. В конце концов, она точно знала, что способна разглядеть.

В ординаторской её ждала чашка остывшего кофе и рабочий планшет. Четыре пропущенных уведомления. Она скользнула пальцем по экрану, пробежала глазами сообщения. Два отчётных запроса. Одно напоминание о совещании. И последнее — от заместителя главного врача, пометка «срочно».

Алиса вздохнула и нажала «открыть».

«Алиса Игоревна, завтра в 11:00 ждём Вас на объекте по расширению. Приедет главный архитектор-реставратор, прошу Вас быть как представителя клиники. Повестка прилагается».

Она прочитала дважды.

Потом закрыла сообщение и допила кофе одним глотком, не ощутив вкуса.

Реставратор. Объект. Расширение.

Всё это означало одно: её выдёргивали из привычного мира стерильных палат и прозрачных роговиц в мир, полный пыли, шума и компромиссов. В мир, где она ни черта не контролировала.

— Замечательно, — произнесла она в пустоту.

Вечером Алиса поехала к родителям.

Это был ритуал, устоявшийся задолго до того, как она закончила ординатуру. Каждый четверг она садилась в машину, пересекала город и проводила два-три часа в родительской квартире на Кутузовском, в гостиной, где пахло книгами, старой мебелью и неизбежным ужином.

Игорь Семёнович Ветров, её отец, был кардиохирургом на пенсии. Мать, Елена Павловна, преподавала на кафедре офтальмологии и до сих пор публиковала статьи. Алиса выросла среди разговоров о клапанах и сетчатке, среди анатомических атласов и историй болезней, и никогда не думала, что можно иначе.

— Как прошла операция? — спросил отец, едва она переступила порог.

— Успешно, — ответила Алиса, разуваясь. — Мальчик, девять лет. Катаракта обоих глаз. Сегодня был второй.

— Врождённая?

— Да. Осложнений не было.

Отец кивнул, и она знала, что это означало одобрение. В их семье слова любви произносили на языке медицинских терминов, и «осложнений не было» звучало совершенно так же, как в других семьях — «я горжусь тобой».

Мать уже накрывала на стол.

— Я слышала, вас расширяют, — сказала она, когда Алиса села. — Особняк Жарова, да?

— Откуда ты...

— Лена, прекрати, — поморщился отец. — Дай ребёнку поесть.

— Я не ребёнок, пап, — машинально поправила Алиса. — Да, особняк Жарова. Меня назначили куратором. Завтра встреча с архитектором.

— Вот как, — Елена Павловна поджала губы. — Надеюсь, они не испортят здание. Я помню его ещё с тех пор, как мы с твоим отцом...

— Мам, это не архитектурная экспертиза, — перебила Алиса, беря вилку. — Мне нужно, чтобы там было достаточно площадей для операционных.

— Это исторический памятник, Алиса.

— Это будет хирургический корпус.

Над столом повисла та специфическая тишина, которая возникала в доме Ветровых всегда, когда кто-то ставил практичность выше идеалов.

Первой сдалась мать — вздохнула и подлила Алисе чай.

— Ладно. Делай как знаешь. Только не вздумай влюбиться в архитектора.

Алиса поперхнулась.

— Что?

— Говорят, они все романтики и безответственные люди, — пожала плечами мать. — Твой отец, слава богу, хирург.

Отец только хмыкнул.

Алиса заставила себя рассмеяться — легко, почти естественно. Влюбиться. В архитектора. Который, без сомнения, окажется напыщенным типом с манией величия.

Нет, её жизнь была выстроена слишком точно, слишком чисто, чтобы позволить в ней появиться человеку, способному всё это разрушить.

После ужина она вышла на балкон. Москва лежала внизу, мерцала тысячами окон, и Алиса машинально подсчитала, скольким людям в этих окнах она могла бы прооперировать глаза. Привычка.

Она сняла очки и подставила лицо прохладному ветру.

Завтра ей предстояло встретиться с человеком, который, как она была уверена, не поймёт и не примет ничего из того, чем она жила.

Она даже не догадывалась, насколько ошибалась.

Глава 2. Эскиз на руинах

Даниил Шторм стоял у западной стены особняка и смотрел, как осыпается штукатурка.

— Вы меня слышите вообще? — прораб махал рукой перед его лицом. — Я говорю, перекрытия здесь сгнили. Если мы не начнём демонтаж через неделю, то к зиме тут всё рухнет к чёртовой матери.

— Здесь не будет демонтажа, — ответил Даниил, не оборачиваясь.

— Чего?

— Я сказал: здесь не будет демонтажа. — Он наконец повернулся. — Вы видите это?

Прораб уставился на стену. Там не было ничего, кроме облупившейся краски и тёмных разводов плесени.

— Вижу, что ремонта здесь не было лет сто.

— Правильно. — Даниил подошёл ближе и провёл ладонью по кладке. — А знаете почему? Потому что это не просто штукатурка. Это известковый раствор, начало девятнадцатого века. Под ним, — он постучал костяшками пальцев, — кирпич. И я готов поспорить на год работы, что под этими слоями сохранилась оригинальная фреска.

Прораб смотрел на него, как на городского сумасшедшего, который сбежал из музея и теперь пугает честных строителей.

— Фреска? — переспросил он. — Даниил Алексеич, нам заказали реконструкцию под больницу. Стерильные коридоры, операционные, всё такое. Какая к чёрту фреска?

— Такая к чёрту фреска, — голос Даниила стал тихим, почти опасным, — что если вы к ней прикоснётесь ломом, я лично прослежу, чтобы вы переквалифицировались в дворники.

Он не шутил. Прораб это понял, побледнел и отступил на шаг.

— Ладно. Как скажете. Но с заказчиком вы сами разбирайтесь.

— Разберусь.

Даниил снова повернулся к стене.

Особняк купца Жарова. Построен в 1812 году, сразу после пожара, пережил две войны и советскую власть. Сейчас здание стояло с заколоченными окнами, но ещё дышало — в том смысле, в каком вообще могут дышать старые стены. Даниил чувствовал это всегда: дома, которые помнили людей, обладали своим голосом. Нужно было просто уметь слушать.

Он умел.

После встречи с прорабом Даниил ещё час провёл на объекте, делая пометки в планшете и фотографируя каждый угол. Потом сел в машину и поехал в мастерскую.

Мастерская располагалась в полуподвале старого дома на Чистых прудах. Когда-то здесь была котельная, но пять лет назад Даниил выкупил помещение и превратил его в своё логово: стеллажи с книгами по архитектуре, стол, заваленный чертежами, и огромное окно, выходящее на уровень тротуара — так, что были видны ноги прохожих.

Когда он вошёл, пёс Циркуль поднял голову от лежанки и ударил хвостом по полу.

— Привет, чудовище.

Псу было десять лет. Он был смесью овчарки и неизвестно чего, с одним стоячим ухом и одним висячим, и смотрел на Даниила с тем особым выражением, которое говорило: «Ты опять влип в неприятности и не дал мне поучаствовать».

— Не смотри так. Я просто хочу сохранить дом. — Даниил бросил куртку на стул и налил себе виски. — И мне для этого нужно убедить врача, что история важнее квадратных метров.

Циркуль чихнул. Это могло означать что угодно.

— Вот именно, — согласился Даниил. — Я обречён.

Он сел за стол и развернул старые чертежи особняка — копии, снятые из городского архива. Разглядывая пожелтевшие линии, он невольно думал о завтрашней встрече. Клиника «ИРИС». Куратор. Наверняка какой-нибудь пожилой администратор с замашками фельдфебеля.

Мысль эта не радовала, но и не пугала. Даниил привык воевать с чиновниками и заказчиками. В конце концов, архитектура была не искусством компромисса, а искусством отстаивать то, во что веришь.

По крайней мере, так он говорил себе.

Циркуль подошёл и положил тяжёлую голову ему на колено.

— Знаю, — Даниил почесал пса за ухом. — Ты бы на моём месте уже разорвал их чертежи. Но у меня нет таких зубов.

Циркуль вздохнул — совсем по-человечески.

Они просидели так допоздна: человек, собака и старые чертежи дома, который ещё не знал, что завтра на его пороге столкнутся два мира, до этого никогда не пересекавшиеся.

За два года до событий романа

Алисе было двадцать шесть, когда она узнала, что мир не подчиняется графикам.

До этого её жизнь шла по выверенному маршруту: школа с золотой медалью, медицинский с красным дипломом, ординатура, аспирантура. Она ставила цели и достигала их. Она была удобной дочерью, надёжным другом, перспективным врачом. Она верила, что если делать всё правильно, то и мир будет отвечать правильностью.

Ошибка стоила ей двух лет жизни.

Антон появился на третьем курсе ординатуры. Высокий, с хорошей улыбкой и дипломом МВА, он пришёл в клинику на стажировку — его отец владел сетью медицинских центров, и сына готовили к управлению. Алиса тогда работала над диссертацией, спала по четыре часа и не думала ни о чём, кроме катаракты.

— Ты слишком серьёзная, — сказал он однажды, столкнувшись с ней в коридоре. — Так нельзя. Сгоришь.

— У меня дедлайн, — ответила она, не поднимая головы от планшета.

— У всех дедлайн. Но кофе-то можно выпить?

Она согласилась — просто чтобы он отстал. Но он не отстал. На следующий день принёс круассан. Через неделю — букет. Через месяц они уже жили вместе.

Антон был лёгким. Он смеялся над её расписаниями, таскал в кино посреди недели, говорил: «Жизнь — это не список дел, Алиса». И она — впервые за много лет — начала расслабляться. Перестала записывать ужины в ежедневник. Научилась спать до девяти по выходным. Поверила, что можно быть счастливой не по графику.

Света, её лучшая подруга со студенчества, радовалась за неё.

— Наконец-то ты влюбилась, — говорила она за бокалом вина. — Я уж думала, ты замуж за микроскоп выйдешь.

— Он хороший, — отвечала Алиса, краснея. — Правда хороший.

— Кольцо-то скоро?

Кольцо случилось через год. Антон сделал предложение в ресторане на крыше — том самом, куда Алиса когда-то говорила, что мечтает попасть. Всё было идеально: свечи, музыка, шампанское. Она сказала «да» и плакала от счастья.

До свадьбы оставалось два месяца, когда ей позвонили из приёмного отделения.

— Алиса Игоревна, тут пациентка поступила. Экстренная. Фамилия — Савельева. Светлана.

Света.

Она примчалась в клинику за пятнадцать минут. Подруга лежала на каталке в приёмном покое, бледная, с капельницей в руке. Отравление. Несчастный случай или...

— Что случилось? — Алиса схватила её за руку. — Что ты такого съела?

— Алиса... — Света смотрела на неё странным, виноватым взглядом. — Я должна тебе сказать...

— Что сказать? Где ты была? С кем?

— С Антоном.

Мир не взорвался. Не рухнул. Он просто... остановился. Как видеозапись на паузе.

— Что? — переспросила Алиса. Ей показалось, что она ослышалась. — Ты сказала...

— Мы встречаемся. Уже три месяца. — Света говорила быстро, словно боялась, что не успеет. — Я хотела тебе сказать раньше, но не знала как. А сегодня я узнала, что беременна. И когда я ему сказала, он... он сказал, что не готов. Что свадьба с тобой важнее. И я... я выпила таблетки. Все, что были. Прости меня.

Алиса стояла и смотрела на подругу — бывшую подругу, — и не чувствовала ничего. Вообще ничего. Только холод. Он поднимался откуда-то из живота и заполнял всё тело.

— Ты спала с моим женихом, — сказала она ровным голосом. — Три месяца. И ты говоришь мне об этом сейчас. Когда лежишь в моей клинике после попытки самоубийства.

— Я не знала, как...

— Ты не знала, как сказать правду? А врать — знала? Улыбаться мне в лицо — знала? Обсуждать мою свадьбу — знала?

Света заплакала. Алиса смотрела на неё и не чувствовала жалости.

— Врача я тебе вызову, — сказала она. — Хорошего. А меня больше для тебя не существует.

Она вышла из палаты. Прошла по коридору. Зашла в ординаторскую. Села за стол. И только тогда — когда никто не видел, когда дверь была закрыта, — она заплакала. Беззвучно, сжав зубы, ненавидя себя за эту слабость.

Вечером она вернулась в их общую с Антоном квартиру. Он был там — сидел на диване, бледный, с красными глазами. Видимо, Света уже позвонила ему.

— Алиса, я...

— Молчи.

Она прошла в спальню. Достала чемодан. Начала собирать вещи — только свои, аккуратно, без истерики.

— Дай мне объяснить, — он стоял в дверях. — Это ничего не значило. Просто секс. Я люблю тебя.

— Ты любишь меня, — повторила она, не оборачиваясь, — поэтому спишь с моей лучшей подругой. Логично.

— Это была ошибка! Я хотел всё прекратить!

— Три месяца ты хотел всё прекратить. И не прекратил. — Она застегнула чемодан и повернулась к нему. — Знаешь, что самое смешное? Я ведь тебе верила. Я нарушила ради тебя все свои правила. Я позволяла себе быть... живой. А ты...

Голос дрогнул. Она замолчала.

— Прости меня, — сказал он.

— Нет.

Она взяла чемодан и пошла к двери.

— Алиса! — он попытался схватить её за руку. — Ты не можешь просто уйти! У нас свадьба через два месяца!

— Свадьбы не будет. — Она высвободила руку. — И меня больше не будет. Ни для тебя, ни для неё. Я вам не мама, не судья и не спасатель. Я просто врач. И я устала лечить людей, которые не хотят выздоравливать.

Она ушла. Сняла квартиру. Поменяла номер телефона. Удалила соцсети. И дала себе слово: больше никогда. Никакой любви. Никакого доверия. Никакой уязвимости.

Только работа. Только пациенты. Только грамотно выстроенный график, в котором нет места для сердечных катастроф.

Она думала, что это спасёт её.

Она не знала, что однажды войдёт в старый особняк и встретит там человека, который разрушит все её защиты.

За три года до событий романа

Даниил Шторм когда-то был успешным.

У него было архитектурное бюро — небольшое, но престижное. Они строили загородные дома для состоятельных клиентов и потихоньку росли. Совладельцем и коммерческим директором был его друг со студенческих лет — Вадим Рогов, человек с деловой хваткой и обезоруживающей улыбкой. Даниил занимался творчеством, Вадим — деньгами, и вместе они составляли идеальную команду.

Вера пришла в бюро на третий год его существования.

Молодой архитектор с блестящим портфолио и амбициями, она с порога заявила, что хочет работать только с ним. Даниил был польщён. Через месяц — очарован. Через полгода — влюблён.

Вера была яркой, страстной, талантливой. Она спорила с ним до хрипоты, предлагала смелые решения, вдохновляла. Даниил чувствовал, что с ней он может больше, чем один. Они стали партнёрами — и в работе, и в жизни.

— Мы созданы друг для друга, — говорила она. — Ты — гений, я — амбиции. Вместе мы захватим мир.

— Я не хочу захватывать мир, — смеялся он. — Я хочу строить красивые дома.

— Значит, будем строить красивые дома. Много.

Всё рухнуло в один день.

Это был четверг. Даниил вернулся из командировки раньше срока — сделка с поставщиками сорвалась, и он решил не задерживаться. Купил цветы — пионы, её любимые. Взял шампанское. Хотел сделать сюрприз.

Дверь в их общую квартиру была не заперта.

Он вошёл. В прихожей стояли чужие ботинки — дорогие, итальянские. Вадим носил такие же.

В спальне было тихо. Слишком тихо.

Он открыл дверь.

И увидел.

Потом была сцена — безобразная, унижительная, с криками и летящими вещами. Вера плакала и говорила, что это «не то, что ты думаешь». Вадим пытался оправдываться: «Даня, ну ты пойми, мы любим друг друга». Любим. Друг друга.

— Ты мой друг, — сказал Даниил. — Ты был моим другом пятнадцать лет.

— Друзья не становятся врагами из-за женщины.

— А кто сказал, что мы будем врагами? — Даниил говорил спокойно, но внутри всё кипело. — Мы просто больше не друзья. И не партнёры. Завтра юристы всё оформят.

Он думал, что самое страшное — это предательство. Оказалось, нет.

Самое страшное случилось через неделю, когда выяснилось, что Вера и Вадим не просто спали вместе. Они готовили переворот. Вадим переводил активы бюро на подставные счета.

Вера копировала проекты и передавала их конкурентам. Когда Даниил объявил о разрыве, они уже были готовы.

Клиенты ушли. Контракты расторглись. Счета опустели. Даниил остался с долгами, разбитым сердцем и репутацией, которая трещала по швам.

Бюро пришлось закрыть.

Вера и Вадим открыли свою фирму через месяц. Успешную. С деньгами, которые они украли у Даниила. А он — он остался один, в съёмной мастерской, с собакой и горсткой старых заказов.

Именно тогда он поклялся себе: больше никаких партнёров. Ни в бизнесе, ни в жизни. Только работа. Только проекты, которые не предадут. Только старые стены, которые помнят тех, кто их строил, и не забывают их ради выгоды.

Он ушёл в реставрацию. Это было менее прибыльно, менее престижно, но здесь он чувствовал себя в безопасности. Мёртвые архитекторы не предадут.

Он думал, что это спасёт его.

Он не знал, что однажды в его жизнь войдёт женщина в золотых очках и заставит снова поверить.

Глава 3. Особняк купца Жарова

Алиса опаздывала.

Это было настолько ей несвойственно, что за рулём она дважды перепроверила маршрут в навигаторе. Но пробка на Садовом оказалась непредсказуемой — если к пробкам вообще применимо это слово, — и теперь она, сжимая руль вспотевшими ладонями, проклинала всё на свете: утреннее совещание, задержавшее её на сорок минут, внезапный звонок из отделения, и главное — дурацкое решение назначить встречу на одиннадцать. Кто вообще назначает встречи на одиннадцать? В это время день ещё притворяется, что будет продуктивным.

Особняк она увидела издалека.

Он стоял в глубине старого переуллка, отгороженный от мира строительными лесами и металлическим забором. Три этажа, облупленный фасад, заколоченные окна. Алиса затормозила у ворот, опустила стекло и посмотрела вверх.

Здание было... некрасивым. Или нет — не так. Здание было старым, уставшим и чужим. Оно не вписывалось в её картину мира, где всё должно быть стерильным, новым, функциональным. Оно торчало из земли, как больной зуб, и Алиса, глядя на него, почувствовала раздражение.

— Доброе утро, — окликнул её охранник. — Вы на объект?

— Да. Клиника «ИРИС».

— Проезжайте, там площадка. Архитектор уже на месте.

Уже на месте. Алиса поморщилась. Значит, она опоздала, а он приехал вовремя. Счёт ноль-один в его пользу, и это ей совсем не нравилось.

Она припарковалась и вышла из машины.

Воздух здесь пах пылью, сыростью и чем-то ещё — кажется, старым деревом. Алиса поправила очки, одёрнула жакет и направилась к входу. Строительные рабочие провожали её взглядами, но она привыкла: женщина-врач на стройке — всегда аттракцион. Дверь была открыта.

Внутри было темно и прохладно. Пахло известкой. Солнце проникало сквозь щели в заколоченных окнах, рисуя на полу длинные полосы света, в которых танцевала пыль. Алиса прошла вперёд, моргая, чтобы глаза привыкли к полумраку.

— Вы, я полагаю, из клиники?

Голос раздался откуда-то сверху.

Она подняла голову.

На второй этаж вела широкая лестница с коваными перилами — когда-то, наверное, роскошная, а теперь покрытая сколами и ржавчиной. На верхней ступеньке стоял человек.

Он был высок. Это Алиса отметила сразу — рост, разворот плеч, силуэт, подсвеченный сзади пыльным лучом из окна. Одет небрежно: тёмные джинсы, футболка, поверх — расстёгнутая рубашка с закатанными рукавами. На плече висел планшет в чехле. Тёмные волосы, взлохмаченные то ли ветром, то ли привычкой запускать в них пальцы. И улыбка — не та, которой улыбаются на деловых встречах, а другая: чуть насмешливая, оценивающая.

Он спускался по лестнице неторопливо, как человек, который привык быть хозяином в любом помещении, куда входит.

— Даниил Шторм, — представился он, подходя ближе и протягивая руку. — Архитектор-реставратор. Можно просто Даниил.

— Алиса Ветрова, — она пожала его руку. Ладонь у него оказалась сухой и твёрдой — рука человека, который много работает физически, а не только водит стилусом по экрану. — Куратор проекта со стороны клиники.

— Алиса, — повторил он, словно пробуя слово на вкус. — Как в сказке.

— Простите?

— Кэрролл. «Алиса в Стране чудес». — Он улыбнулся шире. — Вы как раз попали в нужное место. Тут чудес хватает.

Алиса убрала руку и поправила очки. Она терпеть не могла, когда люди на деловых встречах начинали с цитат из книг.

— Я предпочла бы обойтись без чудес. У нас с вами, насколько я понимаю, сугубо практические задачи.

Улыбка на его лице чуть потускнела, но не исчезла. Скорее, стала другой — более внимательной.

— Сугубо практические, — эхом отозвался он. — Хорошо. Тогда давайте начнём с обхода.

Они двинулись по первому этажу, и Даниил начал говорить.

Он говорил не как типичный подрядчик, которого Алиса ожидала увидеть. Никаких смет, никаких «сделаем-построим». Он рассказывал о здании так, словно это был живой пациент, а не груда кирпича. Останавливался у стен, проводил ладонью по кладке, показывал детали, которые Алиса никогда бы не заметила: вот здесь сохранилась оригинальная лепнина, а вот тут под слоями краски угадывается роспись.

— Вы понимаете, — говорил он, и в его голосе звучала та особая одержимость, которую Алиса до этого встречала только у хирургов, — это не просто здание. Это документ эпохи.

Купец Жаров строил его после пожара 1812 года, когда Москва лежала в руинах. Он не просто восстанавливал свой дом — он заявлял: мы живы, мы вернёмся, мы будем строить. Каждый кирпич здесь — свидетельство.

— Свидетельство чего? — спросила Алиса.

— Того, что жизнь продолжается, несмотря ни на что.

Они остановились в холле второго этажа. Алиса обвела взглядом облупленные стены, трещину на потолке и осыпавшуюся штукатурку.

— Господин Шторм, — сказала она ровным голосом, — я ценю ваш энтузиазм. Правда, ценю. Но давайте посмотрим на вещи трезво. Клиника «ИРИС» — это современное медицинское учреждение. Нам нужны операционные, которые соответствуют всем нормам стерильности. Нам нужны палаты. Нам нужны лифты для пациентов и противопожарные выходы. А не...

Она запнулась, подбирая слово.

— А не свидетели жизни, — закончил за неё Даниил.

— Именно.

Он замолчал. На лице его появилось выражение, которое Алиса не смогла расшифровать сразу — только позже, вспоминая эту сцену, она поняла, что это была смесь разочарования и какого-то странного азарта.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда скажите мне, Алиса... можно без отчества?

— Лучше по имени-отчеству.

— Хорошо, Алиса Игоревна. Скажите мне, вы когда-нибудь оперировали в помещении, которое является памятником архитектуры?

— Нет.

— А я никогда не реставрировал здания, в которых будут резать глаза. — Он улыбнулся снова, и на этот раз в его улыбке было что-то почти мальчишеское. — Похоже, мы оба в одинаковом положении. Предлагаю компромисс.

— Какой?

— Вы покажете мне свои требования и нормативы. А я покажу вам этот дом так, как вижу его я. И, возможно, где-то посередине мы найдём решение.

Алиса смотрела на него несколько секунд, прикидывая. С одной стороны, она ожидала конфронтации и готова была продавливать свою позицию. С другой — он предлагал перемирие, и отказываться было бы глупо.

— Договорились, — сказала она. — Показывайте ваш дом.

Они провели в особняке ещё два часа.

Даниил водил её по этажам, и с каждым помещением его рассказ становился всё более увлечённым. Он показывал кладку девятнадцатого века на границе с достройкой двадцатого. Рассказывал, как по форме арок можно определить, что здесь работали мастера школы Казакова. На третьем этаже, в угловой комнате с остатками камина, он остановился и жестом попросил тишины.

— Слушайте.

Алиса прислушалась. Ничего особенного — только ветер за окнами и далёкий шум города.

— Я ничего не слышу.

— Правильно. Это тишина. — Он обернулся к ней. — Здесь, в этом самом месте, полтора века назад купец Жаров пил чай со своей семьёй. Слышите? Ни телефонов, ни мониторов, ни гудков машин. Только тишина и свет из окон. Я хочу сохранить это ощущение. Даже если здесь будет операционная.

Алиса хотела возразить, что операционной не нужно ощущение — ей нужна стерильность и оборудование, — но почему-то промолчала. Что-то в его словах задело её. Напомнило о том моменте в операционной, когда она замирает и на секунду чувствует... что именно? Тишину? Свет?

— Ладно, — сказала она наконец. — Я услышала вашу позицию. Теперь позвольте изложить мою.

Она достала планшет и открыла план помещений.

— Вот здесь, — она указала на восточное крыло второго этажа, — должна быть основная операционная. Мне нужны идеально ровные стены, никаких выступов, никаких ниш, где может скапливаться пыль. Потолок — сплошной, без лепнины. Окна мы заменим на герметичные стеклопакеты. Освещение — встроенное, операционное. И да, вот эту стену, — она указала на западную несущую стену холла, — придётся частично разобрать для прокладки вентиляционных коробов.

Даниил побледнел.

— Разобрать?

— Частично.

— Вы хоть понимаете, — его голос стал тихим, но в нём звенела сталь, — что это за стена? Это оригинальная кладка. Ей двести лет. Вы предлагаете мне выломать её, чтобы поставить вентиляцию?

— Я предлагаю вам найти способ совместить мои требования с вашей... любовью к истории.

— Это не любовь к истории! — он шагнул ближе. — Это моя работа. Я не для того учился сохранять наследие, чтобы потом пришёл хирург и сказал: «Здесь будет короб».

Алиса вздёрнула подбородок.

— А я не для того училась возвращать людям зрение, чтобы потом архитектор сказал мне: «Извините, ваша вентиляция не вписывается в исторический облик». Пациенты не будут ждать.

Они стояли друг напротив друга — слишком близко для чужих людей, слишком далеко для тех, кто только что заключил перемирие. В холле было тихо, и только пыль кружилась в луче света, падающем откуда-то из-под потолка.

Даниил смотрел на неё, и в его глазах она видела злость. И что-то ещё — кажется, интерес.

— Знаете, что странно? — сказал он вдруг. — Вы говорите о пациентах, о нормах, о квадратных метрах. Но я вам не верю.

— Что?

— Вы прячетесь за цифрами, как за операционной маской. А на самом деле вам просто не всё равно. Вы хотите, чтобы всё было идеально, не потому что так написано в регламенте, а потому что вы не умеете иначе. — Он склонил голову набок. — Я прав?

Алиса открыла рот — и закрыла.

Это было до такой степени точно, что ей стало не по себе. Он смотрел на неё, как она сама смотрела на пациентов — словно видел что-то под поверхностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.